

18+

о КОТАХ и ЛЮДЯХ

— О ЯБЛОКАХ И ЧЕРЕМУХЕ —

МАРИНА АНИЦКАЯ

Марина Аницкая

**О котах и людях:
о яблоках и черемухе**

«Издательские решения»

Аницкая М.

О котах и людях: о яблоках и черемухе / М. Аницкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-622158-1

Приложение-послесловие к роману «О котах и людях» — стихи о том, что случается после конца истории, и о том, какой большой труд жить долго и счастливо. Особенно если ты падший ангел, волей непостижимого провидения влюбившийся в обычную деревенскую ведьму.

ISBN 978-5-00-622158-1

© Аницкая М.
© Издательские решения

Содержание

[блюз о падении]	6
[флешбэки]	8
1	9
2	10
3	11
4	12
5	13
6	14
7	15
[клаустрофобия]	16
1	17
2	18
[здоровый образ жизни]	19
[эликсир]	21
[печати]	24
1	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

О котах и людях: о яблоках и черемухе

Марина Аницкая

Ксения Погорелова *Дизайнер обложки*

© Марина Аницкая, 2024

© Ксения Погорелова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-2158-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

[блюз о падении]

[КТО: Эльфин]

[КОГДА: на заре времен]

как легко потеряться в человеческом сердце,
о, как легко потеряться в человеческом сердце,
в девичьем сердце, как в Вавилонской башне
когда тыходишь впервые, тебе не страшно —
полы, потолки, колонны ли, колоннады,
дитя, прозрачное, как лампада
башня тянется вверх, чтоб достать до неба

как легко потерять себя в человеческом сердце,
о, как легко позабыть себя в человеческом сердце,
пока твое запястье сжимают пальцы,
пока дитя верит тебе, смеется,
в конце концов, это твоя работа —
вести вперед, пробираясь вперед и выше
лестницы выются, дитя смеется – пойдем на крышу!
на плечах и груди, как пот, блестит позолота

как легко быть царем в человеческом сердце,
о, как легко быть божком в человеческом сердце —
дитя говорит, нету тебя сильнее,
дитя говорит, нету смелей и краше,
все пышней и богаче убранства галереи,
а небо дальше

как легко истратить себя в человеческом сердце,
о, как легко растратить себя в человеческом сердце,
девочка плачет среди белокаменной галереи,
девочка плачет, держа в руке статуэтку,
а ты привинчен к подставке, снабжен этикеткой
какие уж эмпиреи

как легко потерять себя в человеческом сердце,
о, как легко потерять себя в человеческом сердце,
о, сколько в нем чертогов многоколонных,
о, сколько в нем запутанных переходов,
сводов, гудящих тяжело и монотонно от долгой боли
о колокола,
о языки Вавилона!

дитя заплачет, рыдание свод расколет,
смолою внутрь хлынет ночное небо,
смывая хлам и вынося наружу

зачем не бывает свободы без слез и боли?
зачем не бывает неба без звездной стужи?
зачем дитя по-другому не вырастает?
огни небес блестят, отражаясь в луже,
и, растворяясь в ней, позолота тает

[флешбэки]

[КТО: Эльфин]

[КОГДА: во времена Атлантиды и после]

1

ненавижу золото
ненавижу форму
ненавижу доспехи
все эти гривны, наручи, поножи
шлемы плащи нагрудники
ношу каждый день
это очень удобно
сразу вспоминаешь
кого ты хочешь убивать
и зачем

2

никто не должен видеть твоей ненависти
никто не должен ее слышать
пока она сочится в глубине
темным медом
капля за каплей
наполняя чашу
слышишь, как он сочится в темноте
слышишь, как он пахнет?
(не смей поправлять ворот,
не показывай, что задыхаешься
улыбнись
улыбнись
улыбайся
еще не время)

3

спрашивай первый раз —
чего ты хочешь?
(они плохо умеют видеть свои желания,
тем лучше)
спрашивай второй раз —
ты уверен?
(о, они всегда уверены,
из этой уверенности
выйдет хороший клинок,
хороший яд,
хороший щит —
но не для того, кто его держит,
не для того)
спрашивай третий раз —
ты согласен?
и если один ста,
если один из тысячи
скажет нет
устрашится —
запомни его,
сохрани его в своем сердце —
именно такие наследуют землю,
ту, которую им расчистим мы,
ставшие клинком,
ставшие щитом,
ставшие ядом —
о, не для них,
для себя,
для себя,
и никак иначе

4

о, это мое время,
время любить,
время ненавидеть
о, любовь, которая никогда не исполнится,
никогда не найдет себе воплощения,
не разрешится —
ибо единственный способ любить тебя, о моя Атлантида,
это убивать,
это разрушать,
это не давать тебе воплотиться,
ибо ты пожираешь своих детей,
ибо ты превратилась в чудовище,
и мы, мы, любовь моя,
мы все вместе с тобою —
так что время пришло ненавидеть во имя любви,
так что нужно, нужно убить тебя во имя тебя,
о моя золотая,
многобашенная, беломраморная, многоколонная,
распростертая зеленью пастбищ,
гордость возничих и колесничих,
осиянная славой, одетая дымом курильниц,
жертвенной кровью омытая, вечно голодная,
Атлантида моя, Атлантида моя, Атлантида

5

когда я продавал свою душу —
о, мне повезло, что нашелся на нее покупатель
одна маленькая душа,
невелика важность,
но она была дорога мне,
потому что кроме нее
у меня ничего не было

когда я продавал свою душу,
три голоса в темноте
меня спросили трижды —
все верно, я тоже всегда спрашивал,
таковы правила
меня спросили: убоишься ли ты боли?
я сказал: я привыкну. наверное.
ко многому можно привыкнуть

меня спросили: убоишься ли ты унижения,
убоишься ли ты беспомощности,
убоишься ли ты страха?
я засмеялся, я сказал: к этому я привык
хотя, говорят, к такому невозможно привыкнуть

меня спросили: ты согласен на что угодно?
я ответил: да. я согласен

когда я продавал свою душу,
я не знал, как буду обманут,
я не знал, как надо мной надсмеются,
ибо я слышал:
хорошо
а теперь возьми ее обратно
а теперь храни ее как сокровище
смотри
не урони

6

и теперь я стою один в темноте
руки мои заняты
и моя проклятая душа
обжигает ладони
(о, меня предупреждали о боли)
и я не могу ее удержать
и бросить ее я не могу
(о, бессилие,
я не знал бессилия раньше)

о, моя душа,
о, драгоценный камень, тянущий на дно,
о, стража, которая никогда не закончится,
о, невозможность забвения, невозможность покоя,
о моя душа,
о раскаленный уголь, тлеющий, черный,
прожигающий плоть до самой кости,
сплавленный со мной,
ненавистный,
прекрасный,
от которого нет отдыха,
нет покоя,
нету освобождения
о, я не знал бессилия, пока тебя не видел,
пока с самим собой не сторговался на перекрестке

7

о ты,
нежная, сильная, пленительная, нелепая,
оставляющая мокрые следы на полу,
ругающаяся сквозь зубы,
роняющая рыжие волосы на подушку,
на пару мгновений забирающая меня у меня —
без боли, без страха, без усилия,
с одним любопытством,
с одной радостью,
и, не замечая этого, идущая дальше,
бросая душу мою, как мяч, мне обратно —

о, ты никогда не узнаешь
о сделках на перекрестке

[клаустрофобия]

[КТО: Эльфин]

[КОГДА: во время жизни у Керидвен в Ллангатене]

1

запертый
в человеческом теле
оставленный без ключа
ты
ничего не умеешь делать
только молчать
папертью
серой под сапогами
ста тысяч шагов
шорохом
шелестом
снов о камень
в изножии слов
безнадежным наждачным изнеможением
зуда в крови
меркнувшим зрением, бессрочным приказом
живи
живи

2

все, что не ад,
прекрасно тем, что оно не ад
очисток ползет по спирали из-под ножа
за стеною спят,
через дорогу спят
август осенне-сумрачен, сух и ржав

все, что не ты,
бессмысленно тем, что оно не ты
кипяток над металлом пенится и бурлит
воде легко
охлануть, остыть —
она не кровь
между могильных плит

все, что не ад —
ты, да вечер, да листопад
все, что не рай...
но об этом не говорят

[Здоровый образ жизни]

[КТО: Эльфин]

[КОГДА: на Авалоне, во время выздоровления]

между мной и мной
шаг
по мокрой траве
стопа,
приникающая к земле
столп
прошлого под земной корой
все, что было со мной
и не со мной
спит
сном в глубине времен
бдит
испокон
тысячей мертвых глаз
кровоточит
тысячей черных ран
стонет вода
стань
рядом, один из нас
но я
я не тогда
сейчас

вот
воздух
вдох
приоткрытый рот
не в крике, нет
след
на траве
не остается, лишь
сбилась роса
стоны и голоса
спят на изнанке лет
тишь

тишь, тишина вокруг
серебряный окоем
сонный дом
прикосновение рук
выдох
из спящих губ
волос

у виска, выход
корней на свет
ход
созвездий, времен, планет
голос
музыки, музыки, музыки, как прибой
меж тобой и тобой
между тобой и мной

[Эликсир]

[КТО: Эльфин, Вран]

[КОГДА: на Авалоне, во время выздоровления]

Встреча
двух друзей, на досуге,
как это часто бывает —
между семьей, работой,
апокалипсисом
сколько-то-там тысячелетней давности,
и тем, который пребудет,
и тем, который здесь и сейчас,
с тобой, везде,
в центре зрачка,
в глубине сердца.

«Как дела?» — «Да, в общем, неплохо», —
хозяин
поддергивает манжет,
снимает с огня пробирку,
протягивает гостю —
попробуй.

Тишина, тишина
вокруг — никого, нигде
полная остановка движения,
остановка времени
вакуум
пустота
ты один
больше никого нет
и тебя самого
практически нет совсем тоже
асимптотическое
приближение к небытию
настолько,
насколько это вообще возможно

Гость
с усилием разлепляет веки,
медленно, медленно —
губы еще не слушаются —
произносит:
«Неплохо.
Я бы даже сказал, что хорошо».

Хозяин

довольно рассматривает на просвет жидкость,
шуруется,
с удовлетворением объясняет:
«Как ты помнишь,
это было военное заклинание,
боевое проклятье
с довольно большим радиусом поражения,
но дистилляция
помогает сделать эффект точечным,
управляемым,
даже вполне пригодным
для рекреационных целей».

«Да, наверное.
И что ты с этим планируешь делать?» —
«Отдам формулу медикам, наверное —
Хороших седативов всегда не хватает».

Гость фыркает:
«Ну, знаешь,
поверить, что ты смертен,
что можешь умереть,
перестать быть,
а потом обнаружить,
что это не так —
это, знаешь ли,
не то, что может взять и успокоить».

Хозяин усмехается:
«Собственно,
на этот эффект я и рассчитываю
больше, чем на любой другой».

тишина, тишина,
приближение к небытию,
способ безболезненно скоротать время
до Суда
в противовес
переползанию от одного мгновенья к другому,
как в окопе,
экстазам, идущим горлом,
невыносимым
ужасу и красоте мира,
рвущим тебя на куски,
собирающим заново

тишина, тишина —
это важно, чтоб у тебя был выбор, говорит хозяин.
да, соглашается гость,

ТОЛЬКО ТАК ТЫ СМОЖЕШЬ ПОНЯТЬ,
ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ
ВЫБОРА НЕТ

[печати]

[КТО: Эльфин]

[КОГДА: в Каэр-Динен, сразу после создания Авалона]

1

Голос был белый, как вата, как сахарный сироп – и от этого голоса почему-то становилось страшно. Он просачивался внутрь – в уши, в ноздри, в горло, становясь там липким и сладким, как сгущенное молоко, склеивал гортань, и становилось невозможно издать ни звука. Тише, говорил голос, все будет хорошо, все будет в порядке – и от этого «в порядке» хотелось орать и биться головой о белые стены, только чтобы стало тихо, тихо, тихо, и чтобы это в порядке, в порядке, в порядке, было уже без него, без него, без него.

*

Голос был черный, низкий, тяжелый, с переходом куда-то в инфракрасный, как самый гулкий гонг, нет, ниже, еще ниже, так, что слышно было его уже не слухом, а костями, самым нутром костей. Дыши, говорил голос, дыши, и от этого все тонкие пленки, все перепонки внутри, в недрах зыбкой мясной мягкости вздрагивали и сотрясались.

Дыши, повторял голос, на мгновенье уходя эхом еще ниже, в неслышимую глубину, давая распрямиться, расклеиться пленкам, начинавшим тут же хрипеть от ужаса, от понимания, что перестать дышать будет нельзя.

*

Голос был синий, гладкий, твердый; он ничего не хотел, просто занимал пространство, спокойно и равнодушно выдавливая из этого пространства все, что его не устраивало, все что не было им – округлым, синим, бездонным, занимающим свое место и свое время. Соберись, говорил голос. С ним можно было бы сосуществовать, с ним можно было бы смириться, но он придвигался ближе, ближе, и ближе, заставляя сжиматься все меньше, меньше и меньше, подбираясь, втягивая живот, поджимая колени, накрывая локтями голову. Ну вот, можешь же, сказал голос с прохладным удовлетворением и отвернулся.

*

Голос был зеленый, жидкий, тягучий, сначала прохладный, заливший все с головой – и вдруг начавший застывать, становясь все гуще, все тверже и горячее, застывая колом вокруг, схватывая, как смола. Аа-а... Аа-а... Аа-а... Аа-а... – запел голос, и стало ясно, что это конец. Это все, это навсегда.

Он рванулся изо всех сил, зеленая смола закачалась, аа-а, аа-а, аа-а – отозвалось в костях и затихло. Зеленый голос замер вокруг студнем.

Это правда навсегда, подумал он, и заплакал невидимыми слезами от облегчения.

*

Голос был красный, шершавый, как красная глина, сухая красная глина, засыпающая курган сверху, погребаящая все глубже, глубже и глубже, наваливаясь сверху невыносимой тяжестью. Пласты за пластами ложились, наваливаясь, хороня под собой, уходя выше и выше, в недостижимую высоту, в охряное закатное небо, исписанное охранными знаками. Хриловатый шепот осыпался вниз, как каменное крошево на дно пещеры. Хорошо, сказал голос. Сохранение.

Ранение... ранение... ранение... – попытался повторить он, но не вышло. Внутри что-то разошлось, но даже крови внутри уже не было – только раскрылись края, выпуская что-то – и оно пошло прозрачным облаком вверх, проступая сквозь поры, как пот из камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.